

# Как же она закалялась?

Культура. — 2001. — 16-22 дек. — с. 6

## “Загадочная жизнь Николая Островского”

Мало у какого писателя найдется столько музеев-квартир, как у Николая Островского. Везде, где бы он ни останавливался более чем на месяц, в советское время были устроены музеи. В память же строительства знаменитой узкоколейки (в действительности существовавшей лишь на страницах книги “Как закалялась сталь”) выстроили два мемориала с рельсами, тянувшимися в никуда. Видимо, культ героического преодоления был пророщен в Стране Советов так тщательно, что даже после жесткой перестроечной прополки уцелело несколько музейных кустов.

Сразу хочется сказать — я не отношусь к числу поклонников творчества Николая Островского. Школьное штудирование его основного труда не оставило в сознании ничего, кроме ощущения лязгающих, плохо смазанных шестеренок сюжета и стиля. Меньше всего бы я желал, чтобы в XXI веке ученики заучивали въедающиеся как машинное масло в память слова: “Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы”. Но сама фигура прикованного к постели слепого,

догорающего как факел писателя всегда вызывала острое сострадание, а также осязаемую неприязнь к тем деятелям советского режима, которые подняли его как алый прапор.

При просмотре документального фильма “Загадочная жизнь Николая Островского”, вышедшего в привычное документальное время, 23.20, на канале “Россия”, меня все время преследовали две мысли. Первая — почему же “загадочная”? И вторая — а стоило ли растягивать рассказ об этой жизни на 44 минуты. Нет, понятно, у документальной линейки есть свой “тайм — слот”, но пробовать на разрыв ткань фильма не следует — она запросто может порваться. Идеальным хронометражом для этой ленты были бы 26 минут — не пришлось бы вновь и вновь упоминать одни и те же факты и живописать страдания юного Островского. А загадка, относящаяся не к жизни, а скорее к творчеству, одна — является ли Павка Корчагин двойником Николая Островского, или это фигура, во многом вымученная в ночных бессонных страданиях?

Авторы фильма проделали нема-

лую работу, соотнося жизнь писателя с эпизодами из книги. И возможно, не их вина, что работа эта была в достаточной степени непродуктивна. В фильме постоянно фигурируют фразы — “Документы не найдены”, “Медицинское дело уничтожено” и т.п. А один раз, в бессильном отчаянии, когда Островский как бы на виду, а ничего точно узнать не удается, авторы делают громкое заявление: “Архивные документы планомерно уничтожались”. И не всемогущей организацией с Лубянки, а пожилыми тетеньками с горящими глазами фанатичек — директрисами и смотрительницами многочисленных музеев Островского по стране, не желающими ради света истины расставаться с “иконой мученика”. И готовыми ради “возвышающего обмана” идти на должностное, а то и на уголовное преступление.

А я-то все удивлялся, почему в фильме так мало синхронизации с теми людьми, которые должны были бы за годы служения памяти Островского прознать про него все. И отчего их выступления столь неадекватны? Пока не понял — они относятся к тому нередкому у нас типу

людей, которые сотворили себе кумира и поклоняются ему с неистовым мистическим сладострастием. Фактически авторам “Загадочной жизни” пришлось заниматься реконструкцией судьбы человека, чья жизнь должна была бы быть известна поминутно. Они вынуждены были перебрасывать мостки предположений через бесчисленные фактологические лакуны.

К чести авторского коллектива стоит, впрочем, заметить, что рассказ о писателе получился увлекательным, не уклоняющимся ни в сторону разоблачения, ни в сторону возвеличивания писателя.

Меж тем на примере “Загадочной жизни Н. Островского” все более яственной становится тенденция в деятельности отечественных производителей аудиовизуального продукта — извлекать на свет божий “героев вчерашних дней” и “вертеть их так и этак” в надежде “вытрясти” хоть минимум “жаренки”. Откровенно говоря, не всегда это удается, и не всегда это дозвоительно делать по этическим соображениям.

Иван СВИБЛОВ

Островский Николай  
(м.сабеле)

22.12.01